

*Денису, Наташе и Дане Чернявским
с пожеланием безмятежных снов*

1.1

Человек распластался на асфальте, словно молился стенду с расписанием транспорта. Корней Туранцев, только что выпрыгнувший из трамвая, едва не выронил пакеты. В пяти метрах от него мужчина водил головой вправо и влево и чуть сучил ногами — взгляд Корнея зафиксировал зеленые носки между штанинами брюк и замшевыми туфлями.

Шестой номер поехал прочь, бросив удивленного Туранцева наедине с представителем оригинального религиозного культа — кроме них, никого не было ни на остановке, ни на площадке у железнодорожного вокзала поодаль. Уплыли желтые трамвайные окна, инкрустированные темными абрисами — силуэтами пассажиров.

На ветру шуршали кроны лип, тикал размеренно светофор, и носки замшевых туфель елозили по асфальту.

Долгое тяжелое лето подходило к логическому завершению. Вечера становились прохладными. Корней прибавил к футболке и джинсам плотную клетчатую рубашу. Сейчас под фланелью пробежали мурашки.

— Простите, вам плохо?

Внутренний голос, неоднократно выручавший его в прошлом, шепнул: «Это не твоя забота, Корь, иди куда шел».

Корней замялся нерешительно. Возле металлического конуса урны темнел оброненный портфель, явно не из дешевых. В городе хватало бродяг и психов, не так много, как на родине Корнея, но хватало. К наркоманам государство относилось почти трепетно, снабжая деньгами,— лишь бы не крали.

Но мужчина не был похож на вагабонда. И пиджак он испачкал недавно, преклоняясь великому богу электричек. Классический пиджак, фиолетовый галстук, закинутый за плечо, как язык запыхавшегося зверька в каком-то американском мультфильме.

— Пан...

Корней шагнул к мужчине. Туфли монки сверкнули пряжками в свете фонаря. Скрюченные пальцы хватали воздух в каком-то остервенелом религиозном экстазе.

Ощущая беспокойство, Корней повертелся. Но и в скверике позади, и у охристо-бежевых домов за перекрестком не увидел прохожих. Район Вршовице был тихим и малолюдным, что сыграло определяющую роль в выборе жилья.

«Он пьян,— сказал внутренний голос,— или под кайфом. Не мешай человеку другой конфессии».

А мужчина молился.

Бил поклоны, тряс головой, невнятно бормотал.

Его божество, белое с красным, электрическое рогатое божество, скоро должно было перевести городской транспорт в ночной режим, и Корней неуютно поежился.

— Ну и ладно,— буркнул он.

Человек повернул голову так резко, что хрустнули позвонки. Светофор запиликал быстро-быстро и

озарил зеленым упитанное лицо. По подбородку мужчины струилась кровь. Его рот был разорван, нижняя губа превратилась в лохмотья, явив десны и ряд аккуратных зубов того же оттенка темной охры, что и волосы на фасаде зданий.

Корней непроизвольно охнул.

Глаза мужчины, тусклые и бессмысленные, зацепились за него.

Наркотики, определенно. Не безвредная травка, аромат которой Корней часто ловил около пабов. Что-то куда опаснее, вроде сальвии — Корней видел на ютубе результаты употребления психоактивных веществ. Бедолаги калечили себя, кидались под автомобили, в чем мать родила разгуливали по трассам.

Сектант (привычка Корнея награждать всех прозвищами) улыбнулся криво.

«Боже,— ужалила догадка,— он терся губами об асфальт!»

Судя по блаженной гримасе, мужчина не испытывал боли... пока. За зубами шевельнулся язык — светофор тикал медленно, плеская на остановку красным.

От обилия багрового Корнея замутило.

— Прекратите!

Сектант громко щелкнул челюстью.

И заговорил.

Туранцев два года учил чешский. Зимой сдал государственный экзамен; уровень В2: согласно выданному Карловым университетом сертификату, он владел языком на восемьдесят процентов.

Но из того, что сообщил ему Сектант, Туранцев расшифровал лишь пару слов: «мороженое», «карусель».

Корней был настолько поражен, что прослушал, как следующий трамвай прибыл к Надражи Вршовице, постоял, не открывая дверей, и укатил на восток. Мозг выкопал зачем-то информацию: трамвай в чешском языке — женского рода. Не бог, а богиня.

Сектант, выговорившись, ткнулся губами в липкую лужу, как корова на водопое. Голова замоталась из стороны в сторону, раздирая губы. Что-то скребнуло... Это резцы чиркнули об асфальт.

— К черту тебя! — выпалил Корней. Он не нанимался возиться с сумасшедшими, здесь ему платили за то, что он верстал книги в офисе. Отвечал за расположение текста и оформление страниц.

Не сверяясь со светофором (все равно ноль машин), Корней пересек проезжую часть. У деревьев обернулся. Сектант выгибал спину. Хвала небесам, шорох *человеческого лица* о тротуарное покрытие не доносился через дорогу.

Впереди возвышались Надражи — вокзал. Отсюда в четырнадцатом году Корней совершил первые шаги по Праге. Тогда он знал на чешском одну-единственную фразу: «Проминьте, не млувим чески, мужу млувит в руштыне». И Маринка еще была рядом.

Корней вынул телефон, набрал номер скорой помощи: сто пятьдесят пять.

— На трамвайной остановке мужчина травмирует сам себя. Он в крови.

Диспетчер записала адрес.

«Ты молодец, Корь. Теперь это их проблемы».

Но настроение было испорчено, а совесть имела свое мнение насчет случившегося.

Ругая психопата, Корней поплелся налево. Пустынная улочка полого спускалась к парку и Ботичу — об-

мельчавшей горной реке. По забавному стечению обстоятельств, называлась она Украинска и миролюбиво сосуществовала с улицами Петроградска и Новгородска. Ухоженные кусты, дома с классической черепицей, в четыре и шесть этажей.

Главные ориентиры — поликлиника, аптека, бомжиха на лавочке.

Корней прозвал ее Бабушкой Догмой — именно слово «Догма», набранное костистым шрифтом, ярче прочих слов выделялось на афише, которой кто-то залепил спинку скамейки. Потрепанный дождями плакат рекламировал позапрошлогодний рок-фестиваль, а «Догмой», видимо, именовалась какая-то играющая блэк-метал группа.

Тучная старуха с отеками слоновьими ногами оккупировала лавочку, не оставив шанса соперникам. В капустном ворохе одежек, окруженная уймой узлов и пакетов, презрительно косящаяся на пражан, туристов и гастарбайтеров.

Бомжиха материализовывалась у поликлиники по вечерам и была для Корнея неотъемлемым элементом пейзажа, как вокзал или китайский магазинчик дальше по улице. Однажды, не застав ее, Корней искренне огорчился и дважды выходил на крыльцо, точно потерявший домашнего любимца сердобольный хозяин.

Но история закончилась хеппи-эндом: Бабушка Догма вернулась, шумно опорожнилась под аптекой и заняла свой пост.

Вот и сейчас она отдыхала, скрестив на груди руки. Ступни расположила так, чтобы касаться ими скарба. Будто опасалась, что воры умыкнут ее мусорные сокровища, стеклотару по две кроны за бутылку.

Обычно Бабушка Догма дефилировала в тинейджерской бейсболке с плоским козырьком, но сегодня, как бы напоминая о грядущей осени, она нахлобучила совершенно советского вида шапку-петушок.

— Знала бы ты, что я только что наблюдал...

Бездомная причмокивала во сне. Жесткие черные волоски обрамляли рот. Иногда она недовольно подергивала плечами.

До переезда в Чехию Корней не курил шесть лет — завязал в университете. То ли Маринка настояла, то ли утренний кашель надоел. Но ритм заграницы вынудил возобновить вредную привычку. Европейские цены на табак били по карману. Экономя, он смолил по три сигареты в день. Сейчас хотелось выкурить три подряд.

За поликлиникой взвыла сирена. Грузно шевельнулась Бабушка Догма.

«Отлично...» — выдохнул Корней, мысленно препровождая скорую помощь к трамвайной остановке, к полоумному фанату мороженого и каруселей. По крайней мере, Сектант не успеет убить себя. Этим вечером — не успеет.

«Галлюциногены в Праге? Да чем вам не угодили „Пльзень“ с „Бехеровкой“?»

Он затынулся, вспоминая одноклассников — от клея их глаза становились такими же мутными. Пахнуло сыростью бойлерной, интернатским туалетом, обработанным хлоркой. Корней швырнул окурочок в урну и набрал код на домофоне.

Та жизнь закончилась. Отряхнулся и забыл.

В подъезде ни шатко ни валко шел ремонт. Потолки обросли алюминиевыми профилями для крепления панелей. У клетки лифта валялись планки, подвесы и

декоративная плитка. В свое время Корней подивился наличию лифтов в четырехэтажных зданиях.

— Нет, ты видел?!

На первом этаже дядя Женя задумчиво изучал потолочную конструкцию.

— Что там? Здравствуйте.

Дядя Женя, не глядя, пожал Корнею руку.

— Говорю, видел, как эти труженики работают?

— Как?

— Как-как. Хреново. Полтора часа пожужжат дре-лю, а результат — кот наплакал.

Сварщик дядя Женя приехал в Прагу из Ставрополя. Он изъяснялся на чешском бегло, с добротными вкраплениями русского мата. Девятого мая обклеил окна квартиры рисунками танков — так Корней и узнал, что сосед из СНГ. Завели беседу, выпили пиво. Дядя Женя приволок воблу — купил в русском магазине.

Усатые мужики ассоциировались у Корнея со вторым отчимом. А второй отчим был гораздо лучше первого и третьего. Рот дяди Жени подковали казацкие усищи. Он крутил то один ус, то второй и ворчал:

— В кои-то веки — на работу к обеду! А хрен выспишься. Захрапел — они тут как тут, и жу-жу-жу, жу-жу-жу. Хоть толк бы был какой! — Он сплюнул воздухом. — Ух, послезавтра выходной... Берушами запасусь. Храпеть буду до полудня.

— Дядь Жень...

— Опять дядькаешь? — осек сосед.

— Женя, — исправился Корней, — десять минут назад на остановке...

Он рассказал о Сектанте — изумить ставропольца было сложно.

— Я говорил — легалайз их до хорошего не доведет. Курят дерьмо, шизеют. Наша водка завсегда лучше.

Корней согласился. Они поболтали о футболе («Скоро отбор, уж мы им покажем») и разошлись. Дверь на первом этаже была помечена фамилией жильца: Turancev. Когда хозяйка вставила бумажку в пластиковый карманчик на дверном полотне, Корней минуту любовался собственной фамилией: «Вот оно! Мой первый настоящий пражский дом».

Скромная квартира казалась хоромами по сравнению с норкой, которую он арендовал весной в спальном районе Опатов.

Справа при входе — туалет. Прихожая (по совместительству кухня) вмещает вешалку, трюмо, печь, стиральную машину, холодильник и рукомойник. Все, что нужно молодому парню. В просторной комнате — кровать, гладильная доска, рабочий стол, шкаф-купе, дверь в ванную.

Ему особенно нравился гардероб с двухметровой фотопечатью на створках. Там была изображена ночная улица, уходящая вверх, старинные дома в натуральную величину, блестящая после дождя брусчатка.

По соседству выясняла отношения шумная парочка. Забавно, Корней не встречал их в подъезде, только слышал «чурак, блбец» через стену; может, они ругались в одном из сфотографированных домов гардеробной улицы.

«Я дома», — подумал Корней.

Он принял душ, поджарил сыр, разогрел вчерашний борщ. Готовить он научился в десять лет и отнюдь не по своему желанию. Маринка говорила, что не пробовала ничего вкуснее его стряпни.

Листая новостную ленту, Корней поел и запил ужин водой из-под крана.

От образа Сектанта (нижняя губа слилась с подбородком в кровавое месиво с сочащимися продольными рытвинами) он отгородился планами на завтра.

Оксана. Харьковчанка, первый месяц в Праге, не бывала на Петршине, и он пообещал исправить оплошность.

Два года назад — страшно подумать — Корней растался с Маринкой, и с тех пор у него не было девушек. Ладно, была одна после бурной вечеринки в клубе «Vzorkovna», но вспоминать не о чем.

Лингвистический подвиг потребовал от Корнея слишком много сил и времени, чтобы впускать в жизнь еще и подружек.

Но теперь-то под ногами относительно твердая почва. А кровать в съемной квартире такая широкая.

Он потянулся мечтательно.

Комнатные окна выходили во внутренний дворик четырех сомкнувшихся зданий. Газоны поросли ползучим клевером, мусорные баки, напоминающие внебрачных детей робота R2D2, бросали на асфальт тени. Нажатием кнопки Корней опустил металлические жалюзи.

Соседи уснули, не найдя компромисса.

В темноте под толстым одеялом образ Сектанта таки настиг Корнея.

Безумец стер лицо и добрался до костей черепа.

— Блбец...— процедил Корней.

И снова обрадовался, что за двадцать семь лет жизни ни разу не видел снов.

1.2

Ночь накрыла город перепончатыми крыльями, саваном укутала. Летучие мыши парили над чешуйками кровель, над канделябрами газовых фонарей на Градчанской площади, над чугунным пятитонным ярко-зеленым Чумным столбом. Короли, рыцари и мученики проживали свои каменные столетия, заграбастав верхотуру Праги, а внизу дремали автомобили и редкие пешеходы топтали брусчатку.

Туристы из самых крепких курсировали по Вацлаваку, кутили на Староместской. Но лишь отойди от сердцевины, от аромата колбас и сдобы — и тьма пожрет голоса.

Тени пробуждались под стропилами колоколен и клиросами запертых храмов, в еврейском гетто у Староновой синагоги и возле панельных новостроек Стодулки.

Никого не было на извилистых улочках в стороне от проторенных зеваками троп.

Пражане спали.

СНАРУЖИ (1): ТОКИО

Профессор Таканори Тоути разлепил веки и увидел призрака.

Часы в виде полумесяца (подарок шурина) показывали два часа, настоящая луна заглядывала в окна — до того чтобы полностью явить себя людям, ей не хватало пары дней. Свет озарял книжные полки, ценные

гравюры периода Эдо и белую форму, висящую среди гостиной.

В комнате было тихо. Супруга не похрапывала под боком — левая половина кровати пустовала.

Профессор близоруко сощурился.

Приподнялся, не отрывая взора от гостя, нащупал очки. Водрузил их на переносицу.

Форма приобрела законченные очертания. Шелковая сорочка до колен, шерстяные носки. Переступив семидесятилетний рубеж, жена стала мерзнуть по ночам. Из-за темно-фиолетовых носков Тоути и померещилось, что светлое пятно парит над полом.

Никакой не призрак — его супруга стояла к брачному ложу спиной, будто изучала гравюры будзинга мастера Тории Киенага.

— Ю?

Жена не реагировала.

Босые пятки Тоути коснулись прохладного паркета.

Мысль кольнула иглой: старческое слабоумие. Деменция — то, чего он так боялся. Его Ю уйдет, penetrальный разум осыплется песком в яму беспамятства, останется дряхлое тело.

— Ю...

Женщина, которую он любил сорок лет, которой посвятил все свои книги, его муза, не откликнулась.

Профессор подошел к жене, попутно щелкнув выключателем. Свет обжег сетчатку. Красотки позапрошлого века взирали с рисунков.

Тоути взял Ю за плечо — хрупкое, тонкое — и аккуратно повернул.

Лицо женщины оплыло, как свеча. Рот приоткрылся, губы блестели от слюны. Зрачки расширились,